

Яковлева Г.Н.
ДОКУМЕНТЫ ВИТЕБСКОГО ОБЛЛИТА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
НА ВИТЕБЩИНЕ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Традиционно наиболее востребованными архивными источниками по истории культурно-просветительных учреждений Витебщины являлись документы отделов культуры Витебского горисполкома и облисполкома (Фонды 2852, 2222), документы Витебского (Фонд 1-п) и Полоцкого (Фонд 10060-п) обкомов, горкома (Фонд 102-п) и райкомов партии. Однако остаются недооцененными и фактически не использовались исследователями материалы делопроизводства Витебского обллита (Фонд 3991), содержащие региональный материал, дополняющий картину в сфере культуры в противоречивые годы хрущевской «оттепели». И хотя многие, самые важные документы, были уничтожены, но научный потенциал того, что сохранилось, достаточно высок.

15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР как Главное управление МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР). Однако после отстранения Л. П. Берии от власти в октябре 1953 г. 11 управление было выделено из состава МВД в самостоятельное Главное управление при Совете Министров СССР. Главкрайобллиты переходили в ведение исполкомов соответствующего уровня в качестве Управлений по охране военных и государственных тайн в печати. Практическая деятельность Главлита БССР и его местных органов (обллитов) строилась на основе строгого соблюдения союзных нормативных актов и теснейшей связи с ЦК КПБ, обкомами и райкомами КПБ. Именно обком или райком утверждал кандидатуры цензоров, туда обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой оказать помощь. В обллите работало несколько штатных цензоров, а до 1955 г. в районы, где объем печатной продукции был незначительным, назначались цензоры-совместители (райлиты). В 1954 г. 15 районных цензоров занимали должности завотделами пропаганды и агитации соответствующих райкомов, а остальные 5 - возглавляли отделы райисполкомов, что «соответствовало требованиям СМ СССР от 1 октября 1953 г., чтобы районные цензоры-совместители были ответственными работниками РК или райисполкома» [1, л. 11].

Цензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль областной, многотиражных и районных газет, содержания радиопередач, мелкопечатной продукции (афиши, программы, объявления, плакаты и т.д.) с целью не пропустить в печать сведения, составляющие военную или государственную тайну (отсюда – знаменитые купюры – «вычерки»). Также контролировалась деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, букинистические отделы книжных магазинов, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад. Цензоры не только следили за соблюдением тайны, но и осуществляли политико-идеологический контроль, не пропуская материалы

идеологически невыдержанные, политически вредные, «неправильно освещающие советскую действительность», обеднявшие облик советского человека, пошлые, «халтурные» и т.д.

В городе действовала художественная мастерская, которая выполняла «художественную и политическую изопroduкцию и портреты руководителей партии и правительства по эталонам, утвержденным Министерством культуры и Главлитом СССР». Кроме худсовета, качество её работы контролировали цензоры обллита, без разрешения которых не выпускался в свет ни один экземпляр картины, барельефа или портрета, сделанного в мастерской. В 1954 г. на контроль в обллит было представлено 385 портретов и 56 картин, из них художникам было предложено переделать 12 портретов и 8 картин [1, л. 16]. В 1955 г. Главлит БССР, отмечая недостатки в работе Витебского обллита, указывал, что на контроль ему не представляли некоторую продукцию, например, пейзажи, которые выпускались без визы цензора [2, л.18].

Цензоры проверяли репертуар 20 концертных бригад и областного театра. Оркестры парка культуры и отдыха им. Фрунзе и ресторана «Аврора» представляли свой репертуар на контроль ежеквартально.

Важной частью работы цензоров в 50-е гг. был контроль по очищению книжных магазинов и библиотечных фондов от «политически вредной и устаревшей литературы». Количество библиотек в городе и области постоянно росло. Если на 1.01.1954 г. в области было 1142 библиотеки, то в 1960 – уже 3718 библиотек [3, л.17; 10, л. 29]. Объем работы цензора, который курировал библиотеки и книготорговую сеть, увеличивался и из-за политических событий. В июне 1953 г. Берия был арестован, но именно тогда вышел 1-й том 2-го издания "Большой Советской Энциклопедии", в котором помещена обширная статья о нём с портретом. Всем библиотекам и подписчикам, даже иностранным, срочно был разослан новый лист с категорическим предложением: удалить "бериевский" лист и вклеить присланный. Государственные библиотеки, естественно, покорно выполнили это требование; частные подписчики, как правило, сохраняли и тот и другой "на память" [4]. Скоро оказалась в спецхране и известная работа бывшего главы МГБ БССР Цанавы о партизанском движении в республике в годы войны. Теперь вместе с работами Берии и Цанавы цензоры и библиотекари браковали литературу, которая восхваляла их и других вдохновителей и исполнителей массовых репрессий. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие». В 1953 г. в области было изъято 43160 экземпляров книг, 3574 портрета, 990 грампластинок [5, л. 7, 12]. За 1954 г. уже было изъято 47 632 экз. книг, 1868 грампластинок, 210 портретов, было отправлено 12 писем в райкомы партии по вопросам проверки и очистки книжных фондов [1, л. 16].

В феврале 1955 г. в Могилевской области в ходе проверок Главлитом БССР в ряде библиотек были обнаружены книги Берии и Цанавы, которые должны были быть изъяты еще в 1953–1954 гг. После этого в области временно закрыли несколько библиотек из-за высокой степени засоренности их вредной литературой. На Витебщине закрытия библиотек не было, но начальник обллита вынужден был обратиться в обком партии с просьбой повлиять на руководителей ведомств, имевших в своем подчинении библиотеки и книготорговую сеть. При поддержке обкома в 1955 г. с ними были проведены 3 совещания. В горкоме КПБ организовали 2 общегородских совещания библиотечных работников всех ведомств (380 человек), на которых секретарь горкома и начальник обллита ознакомили библиотекарей с новыми требованиями и подчеркнули, что не только цензоры, а непосредственно библиотекари несут личную ответственность за регулярную очистку библиотек от «политически вредной литературы» [3, л. 13]. В результате проведенных мероприятий за 1955 г. библиотечные работники изъяли 10581 книгу, а 3987 – цензоры, проведя 1465 контрольных проверок

библиотек и 252 книготорговых точек. Были написаны 10 писем руководителям ведомств, с просьбой ускорить работу по очищению фондов [3, л. 18].

Цензор, курировавшая книжные фонды библиотек и книготорговых организаций области, имела только 7-классное образование. Её работа не удовлетворяла цензоров Главлита БССР, проверявших в 1956 г. библиотеки области. По мнению цензора Главлита БССР, книжные фонды были значительно засорены политически вредной литературой, а в Витебском (сельском) РК КПБ она даже при беглой проверке обнаружила 7 наименований книг, подлежащих изъятию. Вопрос об ускорении очищения библиотек несколько раз обсуждался на производственных совещаниях обллита в 1956 г. [6, л. 2, 5–6].

После улучшения отношений с Югославией началось изъятие книг, порочивших эту страну. Библиотекари убирали с полок, например, знаменитый, но ставший политически одиозным, роман Н. Шпанова «Заговорщики», имевший очевидную антиитовскую направленность. Начальник обллита, отмечая в 1957 г. улучшение положения с очисткой книжных фондов в городских библиотеках, сетовал по поводу сельских: «Непростительно, что мы теперь находим на книжных полках бериевскую и антиюгославскую литературу» [6, л. 22]. Затем начались политико-идеологические проблемы с КНР, Албанией и, соответственно, с книгами об этих странах. Их отправляли в знаменитые спецхраны - хранилища контрольных экземпляров изъятой из библиотек и магазинов «враждебной» литературы. Их выдавали лишь при наличии особого допуска. Витебский спецхран находился при областной библиотеке и не пустовал все 50-е годы.

В период «оттепели» органы цензуры выполняли и еще одну достаточно необычную для них функцию – реабилитация писателей и их произведений. Как отмечает В. Маток, политическая оттепель давала о себе знать. «В 50-е гг. были реабилитированы (в т.ч. посмертно) белорусские писатели и общественные деятели, в свое время обвиненные в национал-демократизме, – Алесь Дудар, Валерий Моряков, Андрей Александрович, Александр Червяков, Николай Голодод и др. Правда, их творчество реабилитировано не было – в январе 1959 г. председатель Главлитбела Садовский направил секретарю ЦК КПБ Горбунову докладную записку, в которой сообщал, что цензорами просмотрены все книги реабилитированных авторов. Садовский подчеркивал: «Считаем, что эту литературу, несмотря на то, что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя – ее необходимо оставить в спецхранах» [7]. В ГАВО сохранилось 3 приказа Главлита БССР 1959 г. об исключении 25 авторов (общественных деятелей, языковедов, экономистов, историков) из алфавитного списка лиц, все произведения которых изымались из библиотек согласно приказам Главлита БССР за 1937–1948 гг. [8, л. 8-10].

С 1 октября 1955 г. в структуре Главлита СССР были упразднены должности районных цензоров-совместителей [9, л. 2]. Теперь обязанности по сохранению военной и государственной тайны в районных и многотиражных газетах поручались редакторам газет. На областном совещании редакторов газет в сентябре 1955 г. секретарь обкома и зав. отделом пропаганды «предупредили редакторов о серьезной ответственности и потребовали от них глубокого изучения перечневых ограничений, а также правильного применения их в практической работе, с тем, чтобы не пропустить в печать сведений, не подлежащих опубликованию» [3, л. 6]. Пресса оставалась такой же беззубой, но теперь во многом стараниями не цензоров, а через самоцензуру редакционных работников. Повышалась ответственность руководителей тех областных ведомств, которые имели библиотеки, за своевременную очистку фондов от устаревшей и политически вредной литературы. Основной задачей цензоров становился контроль за деятельностью библиотекарей в этом направлении, ознакомление их с требованиями по очищению книжных фондов и оказание помощи

руководителям ведомств в решении этих задач, информирование обкома и райкомов партии о недоработках и проблемах в этом направлении. Произошла смена цензора в Витебском обллите, который курировал библиотеки и книготорговую сеть.

К 1957 г. ситуация с очисткой фондов несколько стабилизировалась, но когда была отстранена от власти так называемая «антипартийная группа», началась эпопея по изъятию брошюр и портретов В. Молотова и Г. Маленкова из 43-х книжных магазинов, более 100 книжных киосков, всех библиотек области. Следующей жертвой запретов и ограничений стал опальный Г.К. Жуков, который сыграл важную роль в победе Н.С. Хрущева над своими оппонентами. Даже в 1960 г. в библиотеках ряда витебских заводов цензоры ещё обнаруживали «материалы членов антипартийной группы» [10, л. 35]. Удручало витебских цензоров и то, что в 1962 г. они в ходе проверки сельских библиотек области находили в них роман «Лело» А. Чейшвили, в 1958 г. в ходе командировки в ГДР бежавшего в Западный Берлин. Бесконечное давление на работников библиотек и контролировавших их цензоров способствовало тому, что Главлит БССР констатировал, что библиотеки были окончательно очищены от запрещенной литературы в 1963 г.

В 1957 г. был создан Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Таким образом, в сферу цензуры было включено развивающееся в СССР новое средство распространения информации — телевидение.

К концу 1958 г. Главлит БССР и его органы на местах контролировались книжные фонды 18.439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и вокальных номеров) [11, с.177–178].

На контроле находились экспонаты 25 музеев. В мае 1950 г. было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В Музее истории Великой Отечественной войны срочно изменили экспозицию, были изъяты даже карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения о крупнейших предприятиях БССР. То же происходило в других музеях страны. Так, по решению цензоров, изымались экспонаты в краеведческих музеях Витебска и Полоцка, музее К. Заслонова в Орше. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о трофеях, захваченных вооруженными силами СССР. В 1953 г. дирекции Витебского краеведческого музея было сделано замечание о недопущении разглашения военной тайны в книге отзывов и предложений, где цензоры обнаружили записи военнослужащих с указанием номеров полевых почт и родов войск. После этого директором было даже решено вести книгу отзывов для военнослужащих отдельно [12, л. 20]. В 1956 г. в Лепеле, где не было освобожденного цензора, краеведческий музей был открыт под ответственность районного отдела культуры, директор проинструктирован и представил в обллит описи всех экспозиций. В 1957 г. в ВОКМ не был допущен к экспозиции альбом «Боевой путь Витебской дивизии», т.к. ряд его материалов подпадал под перечневые ограничения. Были также выявлены 2 записи в книге отзывов, которые разглашали дислокацию и условные наименования воинских частей [13, л. 24]. Не был допущен материал экспозиции, раскрывавший выпуск металлорежущих станков заводами Витебска в 1957 г. В 1958 г. с экспозиции открывавшейся областной выставки произведений художников области представители обллита сняли портрет Ленина, который, по их мнению, был недоработан и искажал образ вождя [14, л. 23].

После новой волны разоблачений Сталина на XXII съезде КПСС и на основании письма Главлита СССР от 19 мая 1962 г., требующего принятия мер, исключаящих демонстрацию в экспозициях музеев и выставок материалов и брошюр, прославляющих культ личности Сталина, пришлось срочно проверять музеи области на наличие соответствующих материалов. На картах и схемах изменялись названия городов (Сталино, Сталинград, Молотово), переименованных Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1961 г. Выговор за наличие подобных материалов в краеведческом музее Гомеля получил начальник местного обллита в 1962 г. [15, л. 5].

Таким образом, в документах обллита содержится не только большой статистический материал, например, по развитию библиотечного дела в области, но отражено и то, как политико-идеологические изменения этого десятилетия влияли на работу библиотекарей. Можно посочувствовать библиотекарям страны, под давлением цензоров, вынужденным постоянно изымать с полок массовых библиотек не только одиозные, действительно морально устаревшие произведения, но и те, которые не устраивали власть по политическим соображениям. В 1950-е гг. спецхран областной библиотеки пополнялся с завидным постоянством. Документы обллита прекрасно характеризуют ту атмосферу повышенной бдительности и секретности, в которой работало советское радио, телевидение, музеи в тот период. Цензоры зорко охраняли огромное количество «псевдотайн».

1. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 11.
2. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 12.
3. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 14.
4. Блюм, А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991 / А.В. Блюм – Академический проект, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fedu-diary.ru/html/042011/24042011-02a.html. – Дата доступа: 22.08.2013.
5. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 10.
6. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 16.
7. Матюх, В. Цензура в БССР / В. Матюх [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455. – Дата доступа: 22.08.2013.
8. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 21.
9. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 25.
11. Ракашевич, В.К. Главлит БССР (1923-1991) / В.К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1. / Рэд.кал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелНДІДАС, 2000. – 266 с.
12. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 17.
13. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
14. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 20.
15. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 29.